

Кляркина Полина

10«А» класс, гимназии №74, Санкт-Петербург

Рецензия на спектакль «Губернатор» по рассказу Л.Андреева, Большой Драматический театр им. Г.А.Товстоногова, режиссер-постановщик – Андрей Могучий, художник-постановщик Александр Шишкин

Разорвётся ли порочный круг?

За окнами театра 2017 год. Столетие революции. За плечами уже целый век, еще один оборот истории вокруг своей оси, оставивший человечеству главный вопрос: Что же это было? Именно в этом году на сцену БДТ мощным вихрем ворвался «Губернатор», гнетущий и болезненно нервный. Предчувствие революции на сцене, предчувствие революции вне сцены – все взаимосвязано.

Напряжение. От начала и до конца спектакль держит зрителя в постоянном напряжении, то ослабляя, то натягивая струны его нервов. Мастерски передается атмосфера дурного предчувствия через звук: глухой звон ультразвука, монотонное фортепиано, безразличный голос рассказчика и ... тишина. Почти все сцены сопровождаются гнетущей тишиной, среди которой слова героев звонким и отчетливым эхом врезаются в память. Как фотография, сделанная за несколько минут до смерти, «Губернатор» завораживает своей обреченностью. Все понимают, что губернатору суждено быть убитым, а, самое главное, это понимает сам губернатор. И принимает это, прижимая к своей груди сломанную бомбу в подарочной коробке – нелепое оружие революционера-самоучки.

Но есть у спектакля и другая сторона, напоминающая страшную мистерию, прячущаяся между станков и железных балок городского завода, заполнившая собой всю Канатную улицу, приходящая ночью в кошмарах вместе с криком убитых детей. Это сторона народа, эта сторона – хаос. Она вырывается из своей стальной клетки, вместе с металлическим лязгом, завываниями скорбящих матерей и пламенными речами рабочих. Бушующая симфония революции. «Братья, мы

куем собственные цепи!» Поразительный контраст сословий: смертельная тишина губернаторского дома и невыносимый шум взбунтовавшегося завода.

Со сцены на зрителя на зрителя глядят сотни глаз: почти неподвижные стреляющие солдаты, резвые гимназистки, прыгающие через свои скакалочки, причитающие женщины, кричащие от ярости мужчины и трупы, трупы, трупы... Трупы везде – за праздничным столом, на телеге в полицейском участке, сваленные в одну кучу, как мешки с щебнем, за станками на заводе... Перед зрителем разворачивается трагически противоречивая история: обезумевшая от горя мать рассказывает сказку своей мёртвой дочери, крича то ли от зла на убийцу, то ли от отчаянья. Это всё так сюрреалистично, всё так похоже на страшный сон, но одновременно пропитано чем-то болезненно жизненным, что невольно спрашиваешь себя: Если я проснусь, будет ли всё иначе? Но есть на этой сцене и другие трупы – трупы живые. До начала спектакля гримёры тщательно наносят лёгкими движениями кисточек мертвенную бледность на лица актёров. Здесь мертвы не только мёртвые, «живым» тоже уже вынесен смертный приговор. Единственное по-настоящему живое лицо – юная гимназистка, написавшая губернатору сочувственные строки – выделяется среди серости губернаторского окружения своим здоровым румянцем.

«Губернатор» изображает историческую трагедию с нового ракурса. Спектакль погружает нас в сознание провинциального губернатора (актёр – Дмитрий Воробьев) – человека, имеющего власть над сотнями горожан, несущего ответственность за их жизни. Сознание это противоречиво, оно борется само с собой, то погружаясь в омут совести, то находя оправдание, выплывая из него. Открытой раной на душе губернатора остается его приказ подавить бунт рабочих – простой взмах белого платка и следующая за ним череда выстрелов. И на эту рану солью сыплются слова поддержки близких: сдержанного сына Алексея (актёр – Андрей Феськов), жены-гедонистки Марьи Петровны (актриса – Ирина Патракова), друга и коллеги Льва Андреевича (актёр – Анатолий Петров). «Как ты переменялся, Пьер!»

Сотни писем, некоторые с одобрениями, некоторые с угрозами, приходят в дом к губернатору, но все они несут в себе одно и то же – глухое непонимание.

Как будто здесь есть правые и виноватые, чужие и наши, хорошие и плохие... Но луч надежды все-таки есть, и он аккуратно запечатан в конверт с незабудкой тонкими пальчиками молодой гимназистки. Это надежда на спасение, на прекращение бессмысленной и бесконечной ненависти, на искупление. Ключом к закрытию этого ящика Пандоры становится сострадание и истинная христианская любовь. Но подходит ли этот ключ?

Цветовая гамма «Губернатора» – яркий триколор. Среди приглушенных смазанно-серых красок холодных стен выделяются три ключевых цвета: чёрный, красный и белый. Чёрный цвет заполняет почти всю сцену: чёрные костюмы героев, чёрные платья гимназисток, чёрная пустота вокруг. Чёрный – тьма, непроглядная и непроходимая тьма жизни, полная зла, обид и скорби. Красным светом залиты сцены на заводе. Красный – цвет крови, насилия, ярким пятном проступающий на темной материи бытия. Чёрному всегда должно противостоять белое: добро, надежда, свет. Но в «Губернаторе» это не так. Белые накрахмаленные фартучки гимназисток, белый гроб, в котором должны похоронить губернатора, белый платок – сигнал к роковому выстрелу. Здесь белый – это безысходность, цвет беспощадной судьбы, столкнувшей людей в бесконечной схватке, которую никто не сможет выиграть. Красный кумачовый круг насилия, белыми нитями судьбы крепко-накрепко пришитый к тёмному полотну существования.

Когда же, наконец, насытится змей, год от года поедаящий самого себя? Как прервать череду жестоких расправ? Казалось бы, ответ найден. Найдено лекарство от многолетней боли и ключ от всех дверей... А что если это очередное плацебо? Вдруг заветный ключ окажется бесполезной жестянкой в дрожащих руках отчаявшегося человечества? Вопрос застывает в тишине и горьким осадком ложится на сердце. Ведь насилие, несущее за собой красный от крови флаг, вновь побеждает. Губернатора все-таки убивают. Только кому от этого легче? Рабочим, потерявшим контроль? Знати, потерявшей авторитет? Именно поэтому, через сто лет после страшных событий октября, до сих пор резко и звонко, словно выстрел из револьвера рабочего, звучит самый главный вопрос: «Разорвётся ли порочный круг?»